

**«ИМЕНЕМ РЕВОЛЮЦИИ!»:
ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОРОНЕЖСКОГО
ГУБЕРНСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА В 1917—1923 гг.**

В. А. Перцев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 4 марта 2008 г.

Аннотация: *Статья посвящена изучению начального периода становления и развития Советского государства. На примере Воронежской губернии анализируется процесс создания новой судебной системы. Представлен фактический материал по функционированию Воронежского губернского революционного трибунала от момента его возникновения и до судебной реформы 1922—1923 гг. Отражены положительные стороны и недостатки в практической деятельности Губернского революционного трибунала в годы Гражданской войны.*

Ключевые слова: *трибунал, судебная реформа, Гражданская война.*

Summary: *The article is devoted to the investigation of the beginning period of establishing and development of the Soviet Union. On the example of Voronezh province the process of creation of the new judicial system is analyzed. Factual material is given on the activity of the Voronezh province revolution tribunal from the moment of its appearing to the judicial reform of 1922—1923 years. The author shows positive and negative sides in the practical activity of the province revolution tribunal in the years of the civil war.*

Key words: *tribunal, the judicial reform, the civil war.*

Одним из ключевых вопросов развития Советской России в первые дни и месяцы ее существования явилось создание новой государственной системы. Особое значение этому процессу придавало то обстоятельство, что лидеры Советского государства стремились одновременно решить несколько зачастую несовместимых задач. С одной стороны, они предполагали внедрить такие органы государственной власти, которые бы устраивали большинство населения и тем самым способствовали консолидации разобщенного в период революционных потрясений российского общества. С другой стороны, выдвигали цель максимального закрепления достижений пролетарской революции, придания новому государственному аппарату характера революционно обоснованной и логичной конструкции. Несомненно, аксиоматичным выглядит в этом случае тезис о том, что реализовать задуманное было возможно лишь только после уничтожения старых государственных структур, в том числе и временных государственных управленческих образований, возникших в период от Февраля до Октября. В этом отношении вполне закономерными представляются решения новых органов власти и управления в сфере российского судопроизводства. Вместе с тем, остается дискуссионным вопрос о реальной продуманности, плановости, идеологической предопределенности или же стихийности осуществлявшихся преобразований в области создания новой системы судебных

органов. Отсутствует однозначная точка зрения на дилемму — стремились ли лидеры Советского государства создать истинно народный суд и тем самым придать советской судебной системе не только идеальные внешние организационные формы, но и наполнить ее внутреннюю сущность поистине революционно-справедливым содержанием, или же изначально рассматривали советский суд в качестве инструмента для борьбы за удержание и упрочение своей власти. Нельзя исключать также и аргумент в пользу инициативы самого охваченного революционной стихией российского народа, создававшего, на его взгляд, настоящие революционные судебные учреждения, направленные на построение действительно общенародного государства. И якобы роль советского руководства в связи с этим была сведена только лишь к тому, чтобы нормативно оформить «инициативу масс». Еще более усложняется рассмотрение этой проблемы, когда в качестве объекта исследования выступают революционные трибуналы.

Как советская, так и постсоветская историография не обошла вниманием данную научную проблему. Многие уже сделано для того, чтобы детализировать процесс создания ревтрибуналов, проследить их функционирование как в пределах всей страны, так и в территориально ограниченных регионах — отдельных республиках, губерниях, уездах. Среди авторитетных исследований, посвященных истории как всей системы судебных уч-

реждений Советской России в целом, так и истории деятельности ревтрибуналов, в частности, можно назвать работы таких авторов, как Г. Е. Петухов, В. П. Портнов, М. М. Славин, М. В. Кожевников, Н. Г. Смирнов [1]. Отдельные сюжет рассматриваемой научной проблемы представлены в работах, посвященных анализу более общих вопросов деятельности государственных учреждений РСФСР в начальный период ее существования. В данном случае можно сослаться на исследования А. А. Нелидова и Е. Н. Городецкого [2]. Несмотря на то, что перечисленные работы были созданы еще в советское время и, естественно, подвержены сильному идеологическому влиянию, все они включают в себя объемный и содержательный материал, вполне достаточный для выработки объективных, обоснованных выводов. Не так много научных исследований, посвященных изучению деятельности ревтрибуналов, можно обнаружить в постсоветское время. Прочтение немногочисленных статей по этому вопросу позволяет констатировать стремление авторов определить новые подходы к рассматриваемой проблеме преимущественно на основе изменения полярности политических оценок. Исключение составляют статьи А. Смыкалина, опубликованные в журнале «Российская юстиция» [3]. В них автор пытается применить комплексный подход к рассмотрению судебной системы Советского государства и не стремится «выхватить» и переоценить лишь только одну ее составляющую.

Значительно сужаются возможности для детального изучения региональной деятельности судебных учреждений Советской России, когда обращается внимание на опубликованные работы по истории Воронежской губернии. Лишь отдельные упоминания о предмете исследования можно встретить в работах более общего характера, посвященных социально-экономической и политической истории Воронежского края. Определенным восполнением недостаточной изученности проблемы можно считать работу «На страже Закона», подготовленную и изданную в 2005 г. сотрудниками Воронежской прокуратуры [4]. В то же время специального исследования, посвященного истории Воронежского губернского революционного трибунала в 1917—1923 гг., пока еще нет. Тем не менее, на примере Воронежской губернии, оказавшейся в постреволюционный период эпицентром столкновения не только различных политических, но и военных сил, вполне возможно получить разноплановое и объективное представ-

ление о функционировании чрезвычайных судебных органов в первые годы существования советской власти.

Созданное в период Февральской революции Временное правительство кардинальных изменений судебной системы не проводило. Сохранялись традиционные судебные учреждения: Сенат, судебные палаты, окружные суды, мировая юстиция. Временное правительство пыталось приспособить существовавшую судебную систему к осуществлению своих целей и задач. Однако революционные преобразования все же отразились на судебных учреждениях. После 3 марта 1917 г. во многих городах страны были созданы временные суды, состоявшие из мирового судьи и двух заседателей: одного заседателя от рабочих и второго от солдат. Закон от 30 мая 1917 г. вводил суд по административным делам, поэтому в каждом уезде был назначен административный судья. В губернских городах при окружных судах создавались особые административные отделения, а в Сенате высшей инстанцией для административных судов стал Первый департамент [5]. В компетенцию административного суда включались вопросы, связанные с рассмотрением конфликтов между органами общественного самоуправления, государственными структурами и комиссарами Временного правительства. Кроме этого, рассматривались жалобы населения на действия должностных лиц.

Изменился также состав военных судов: в них теперь входили заседатели от офицеров и солдат, но в то же время ускоренный порядок судопроизводства сближал их с военно-полевыми судами. В то же время не была реализована попытка создания дисциплинарных судов в армии, так как солдаты зачастую отказывались их избирать. Был также ликвидирован суд с сословными представителями.

Однако постоянные политические новации со стороны коалиционных правительств, рост напряженности среди народа, вызванной нерешенностью многих важнейших для страны вопросов, активизация деятельности различных политических партий не могли не отразиться на функционировании судебной системы Российского государства. За восемь месяцев 1917 г. на посту министра юстиции, сменяя друг друга, находились четверо: эсер А. Ф. Керенский, трудовик П. Н. Переверзев, народный социалист А. С. Зарудный, меньшевик П. Н. Малянтович [6]. В то же время нельзя не отметить то обстоятельство, что, несмотря на всю сложность и противоречивость политической об-

становки, в создании и деятельности судебных учреждений, как правило, учитывались образовательный уровень и квалификационная подготовленность судей и судебных заседателей. Для занятия судебных должностей в судах с назначаемым составом по-прежнему требовалось высшее юридическое образование, а для мировых судей — среднее образование и стаж чиновничьей службы.

Кардинальные изменения в судебной системе государства произошли после Октябрьской революции. В качестве центрального органа судебного аппарата Советской республики в соответствии с решением II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов рассматривался Народный комиссариат юстиции. Главная задача Наркомюста РСФСР заключалась в оказании помощи губерниям и уездам в создании органов местного судебного управления, самой системы судебных учреждений и в руководстве ими. Особенность слома прежней судебной системы и формирования нового суда состояла в том, что население в ряде мест страны, не дожидаясь указаний сверху, самостоятельно приступило к ликвидации старых и созданию новых судебных учреждений. Новые суды возникали под различными названиями: народный суд, пролетарский суд, революционный суд, суд общественной совести.

В целях унификации судебной системы страны СНК РСФСР 22 ноября 1917 г. принял подготовленный при участии П. И. Стучки декрет «О суде», впоследствии названный декретом о суде № 1 [7]. Первая статья этого декрета содержала действительно революционные указания: «Упразднить донныне существующие общие судебные установления, как-то: окружные суды, судебные палаты и правительствующий сенат со всеми департаментами, военные и морские суды всех направлений, а также коммерческие суды, заменяя все эти установления судами, образуемыми на основании демократических выборов» [8]. Упразднялись также существовавшие ранее институты судебных следователей, прокурорского надзора, как и институты присяжных и частной адвокатуры. Впредь до преобразования всей системы судопроизводства предварительное следствие по уголовным делам возлагалось на местных судей единолично, причем их постановления о личном задержании и о придании суду должны были подтверждаться постановлением местного суда. В роли же обвинителей и защитников допускались «все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами» [9]. Вследствие того, что в Советском

государстве еще не была создана нормативно-правовая база, необходимая для функционирования судебных учреждений, в декрете о суде № 1 содержалась статья, определившая круг законов, которыми могли руководствоваться новые судебные учреждения: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию. Отмененными признаются все законы, противоречащие декретам ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и рабочего и крестьянского правительства, а также программ минимум РСДР партии и партии СР» [10].

Для борьбы же с контрреволюционными силами и для защиты от них завоеваний революции, так же как и для борьбы с мародерством и хищениями, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, государственных чиновников учреждались «рабочие и крестьянские революционные трибуналы в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». 19 декабря 1917 г. появилась «Инструкция НКЮ революционным трибуналам», утвержденная наркомом юстиции левым эсером И. З. Штейнбергом [11]. С целью скорейшего наведения революционного порядка на местах она предусматривала использование революционными трибуналами ряда чрезвычайных мер наказания, однако смертная казнь в этом перечне отсутствовала.

29 ноября 1917 г. в Воронеже состоялось объединенное заседание членов Союза служащих при Воронежском окружном суде и присяжных поверенных, на котором принято решение не признавать декрет СНК о суде и продолжить работу на основании старых нормативных документов. Но уже в декабре 1917 г. в Воронежской губернии был создан Отдел юстиции (юридический отдел) Воронежского губисполкома. 29 декабря 1917 г. состоялось его первое заседание, в ходе которого принято решение о ликвидации старой системы судебных учреждений, о замене ротных и полковых судов военными революционными трибуналами. Отменялось также деление судов на солдатские и офицерские, были намечены мероприятия по созданию Воронежского губернского революционного трибунала. Заведующим юридическим отделом Воронежской губернии был избран левый эсер Черный. В апреле

1918 г. в связи с выходом левых эсеров из Воронежского губисполкома заведующим юридическим отделом был избран Эрнст Генрихович Эглит, который будет занимать эту должность дважды: в 1918—1919 гг. и в 1921—1922 гг. [12].

Структура губернского юридического отдела включала в себя пять подразделений: общий отдел, отдел по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства, административно-хозяйственный отдел, судебно-следственный и карательный отделы. Отдельной прокуратуры и адвокатуры не существовало, поэтому по запросу народного судьи или председателя ревтрибунала из судебно-следственного отдела на судебное заседание направлялись в качестве обвинителя и защитника сотрудники отдела. Одними из первых защитников и обвинителей стали в качестве обвинителя — Зелкинд, а в качестве защитника — Майзель [13]. С большим трудом в первой половине 1918 г. юридическому отделу удалось сформировать в Воронежской губернии сеть новых судебных учреждений: революционных трибуналов, народных судов, следственных комиссий, коллегий защитников. Значительные проблемы создавали два обстоятельства: нехватка квалифицированных кадров и отсутствие поддержки со стороны местных органов власти. Только в июне 1919 г. VI съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Воронежской губернии для укрепления судебных учреждений на местах рекомендовал юридическому отделу «незамедлительно организовать уездные юридические отделы и улучшить состав смешанных комиссий и народных судов», а местному руководству — оказывать юридическому отделу всестороннюю помощь [14]. Однако из-за того обстоятельства, что в ходе Гражданской войны территория Воронежской губернии оказалась ареной боевых действий, данное решение было выполнено лишь частично.

7 марта 1918 г. СНК РСФСР принял новый декрет о суде № 2, вводивший окружные народные суды для рассмотрения дел, превышающих подсудность местного народного суда. Созданы они были не везде и работали достаточно плохо. Поэтому их деятельность зачастую компенсировалась усилиями народных судов и ревтрибуналов.

Создание народных судов первоначально значительно отставало от формирования революционных трибуналов. Местные органы власти предпочитали создавать у себя преимущественно революционные трибуналы, так как считали, что в дальнейшем они станут единственной судебной

структурой, а судебные учреждения переходного периода просто отомрут. В соответствии с этим весной 1918 г. революционные трибуналы вынуждены были рассматривать не только дела о контрреволюционной деятельности, но и основную часть общеуголовных дел.

Первоначально в Воронежской губернии были сформированы Губернский и некоторые уездные революционные трибуналы, а позже сеть ревтрибуналов охватила всю территорию губернии. О начальном этапе деятельности Воронежского губревтрибунала можно судить на основании сохранившейся телеграммы от 6 февраля 1918 г., разосланной Губернским ревтрибуналом в уезды края. В ней содержался призыв ко всем районным революционным комитетам о создании на их территории районных ревтрибуналов. Первым председателем Воронежского губревтрибунала был назначен И. В. Бузов. В дальнейшем, в 1921 г., этот пост занял его заместитель Н. С. Сальков, а чуть позже А. К. Масютин [15].

Революционные трибуналы Воронежской губернии, созданные для борьбы с контрреволюцией и спекуляцией, нередко брали на себя функции общих судов. Некоторые из них, проведя несколько крупных политических процессов над контрреволюционерами, оказывались «заваленными» многочисленными мелкими уголовными, а иногда и гражданскими делами. К этому выводу можно прийти на основе количественного и содержательного анализа дел, находившихся в производстве в отдельных ревтрибуналах Воронежской губернии с момента их организации и до 13 марта 1918 г. Так, в Воронежском губревтрибунале за данный период было рассмотрено дел о контрреволюционных преступлениях — 10; о самогоноварении и продаже самогона — 82; о спекуляции — 66; о прочих преступлениях, в том числе о нарушении обязательных постановлений местного совета, — 221 [16].

Для сравнения, уже за период с апреля по май 1918 г. в Воронежском губревтрибунале было рассмотрено дел о контрреволюционных преступлениях — 29; о самогоноварении и продаже самогона — 36; о спекуляции — 66; о должностных преступлениях, как-то: самовольные обыски, подлоги, неправильные обложения налогами — 12; о преступлениях против личности — 5; об общественных преступлениях — 20; о преступлениях против порядка управления — 8; прочих дел — 6. На заседаниях Воронежского губревтрибунала рассматривались также и такие дела, как личная

обида, появление граждан в нетрезвом виде в общественных местах, мелкое хулиганство [17].

С целью проверки состава и эффективности работы судебных учреждений Воронежской губернии в мае 1918 г. из числа сотрудников губернского комитета РКП(б) была создана специальная комиссия, обследовавшая губернский отдел юстиции и Губернский революционный трибунал. По результатам работы председателем этой комиссии в губком была направлена предварительная информация, содержащая следующую характеристику вышеназванных судебных учреждений: «Кратко ознакомившись с работой Губернского отдела юстиции и Губернского революционного трибунала, я пришел к заключению, что ответственных товарищей в данных учреждениях очень мало. Что касается исполнительных органов, то таковые стоят ниже всякой критики. То же приходится сказать и о следственном персонале. Следственный персонал почти весь беспартийный, обывательский, ничего общего не имеющий с революционным судом. В юридическом отделе следователи по особо важным делам беспартийные. То же и в других отделах. Если беспартийные были бы из рабочей или пролетарской среды, то это было бы еще допустимо. Но, к сожалению, беспартийные являются из буржуазной интеллигенции, которая и занимается судопроизводством над пролетариатом. Если младшие, неотчетливые служащие могли бы быть допущены из среды буржуазной интеллигенции, то явно недопустимо, чтобы из таких белогвардейцев состоял бы следственный персонал. Что касается Губернского революционного трибунала, то он состоит пока из трех партийных товарищей: Лишкова, Лапина и Есикова. Весь следственный персонал состоит из обывателей-беспартийных. Такое явление совершенно недопустимо. Обывательская буржуазная интеллигенция ведет следствие и судит партийных товарищей. На основании вышеизложенного прошу Губком-парт принять самые экстремальные меры по вопросу о пополнении Ревтрибунала и Юридического отдела ответственными товарищами. Всякое отлагательство является большим преступлением перед революцией» [18]. Приведенный документ убедительно свидетельствует о том, что в составе новых органов юстиции оказались специалисты «старых» судебных учреждений. Они пытались наладить работу органов юстиции в соответствии с законом и процессуальными нормами. В революционные же трибуналы были привлечены «наиболее сознательные, проникнувшиеся идеями революции

элементы», зачастую имевшие лишь отдаленное представление о процедуре судопроизводства.

В 1918 г. в связи с усилением контрреволюционного сопротивления советское правительство приняло решение меры к усилению карательных действий. Декретом СНК РСФСР от 4 мая 1918 г. «О революционных трибуналах» на трибуналы возлагалось рассмотрение дел о шпионаже, погромах, взяточничестве, подлогах, неправомерном использовании документов, хулиганстве. Трибуналы в мелких населенных пунктах и гарнизонах упразднялись, предписывалось сохранить их лишь в губернских городах, на крупных узловых станциях и в промышленных центрах. Для рассмотрения дел исключительной важности 16 мая 1918 г. был учрежден Революционный трибунал при ВЦИК РСФСР, избиравшийся в составе председателя и шести членов. Постановлением Наркомата юстиции от 3 июня 1918 г. было установлено, что ревтрибуналы при выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и другими опасными преступлениями «не связаны никакими ограничениями». В то же время декретом ВЦИК РСФСР от 11 июня 1918 г. вводилось кассационное обжалование и принесение протестов на приговоры ревтрибуналов, в соответствии с чем был создан Кассационный отдел. Однако в связи с тем, что 13 июня 1918 г. был принят декрет СНК РСФСР о восстановлении смертной казни, 16 июня 1918 г. было опубликовано постановление НКЮ, в соответствии с которым по приговорам революционных трибуналов мог применяться расстрел [19].

К этому времени Воронежский губревтрибунал представлял собой достаточно разветвленную структуру. Он состоял из председателя, двух его заместителей, секретаря и двух помощников секретаря, избиравшихся на определенный срок, а также народных заседателей, избиравшихся и участвовавших в работе революционного трибунала на тех же основаниях, как и заседатели народных судов. При трибунале была учреждена следственная комиссия и коллегия обвинителей. Следственная комиссия избиралась губисполкомом в количестве от трех до семи человек. На 17 июня 1918 г. членами следственной комиссии были: С. М. Устьянов, В. А. Никитин, М. И. Левенталь, Н. Ф. Барков, П. С. Бурый, Н. М. Воронин, А. Н. Иванов. Коллегия обвинителей учреждалась в составе не менее трех человек, избираемых местными Советами рабочих и крестьянских депутатов непосредственно или по представлению ревтрибунала или Народного комиссариата юстиции. На коллегию

обвинителей возлагалась формулировка обвинительных тезисов по каждому делу в следственной комиссии при представлении дела к слушанию в ревтрибунале. На коллегия обвинителей возлагалось также публичное обвинение по всем делам на судебных заседаниях ревтрибуналов. В июле 1918 г. членами коллегии обвинителей Воронежского губревтрибунала были: И. М. Андреев, большевик, имевший среднее образование; П. И. Вольнский, большевик, имевший среднее образование; Л. И. Грачев, большевик, имевший четыре класса образования. Централизация аппарата управления Воронежским губревтрибуналом позволила приступить к аналогичной реорганизации на местах. По примеру губревтрибунала уже 25 июля 1918 г. были сформированы ревтрибуналы в Бобровском, Павловском, Усманском, Новохоперском, Богучарском, Валуйском, Бутурлиновском и Нижнедевицком уездах [20].

Необходимо также отметить, что летом 1918 г. как на всей территории РСФСР, так и в Воронежской губернии происходило объединение усилий ревтрибуналов и органов ВЧК в борьбе с наиболее опасными преступлениями. Это отразилось, прежде всего, на праве самостоятельного вынесения приговоров по всем делам, возникавшим в чрезвычайных комиссиях. Оно передавалось в реорганизованные ревтрибуналы. Теоретически органы ВЧК в данном случае лишались права внесудебного решения дел, выступали как следственные органы и должны были передавать законченные следственные дела в ревтрибуналы. Причем следствие по важным делам органы ВЧК должны были заканчивать не позднее одного месяца.

12 августа 1918 г. Главный революционный комитет союза ЮВЖД направил в Воронежский губернский комитет РКП(б) выписку из решения III Съезда революционных комитетов о необходимости создания постоянного Президиума Воронежского губернского революционного трибунала в составе трех человек: председателя, его заместителя и секретаря, которые должны были выбираться Воронежским губкомом сроком на три месяца, и двух очередных заседателей «от партийных организаций, стоящих на платформе Советской власти» [21]. Данное решение вполне можно рассматривать как попытку превращение сети ревтрибуналов в чрезвычайную структуру для выполнения наиболее важных карательных функций. Тем более что буквально через несколько дней Советское государство заявит о переходе к открытому террору в борьбе против контрреволюционных сил.

В частности, 2 сентября 1918 г. ВЦИК РСФСР объявит Советскую Республику военным лагерем; 4 сентября 1918 г. народный комиссар внутренних дел Г. И. Петровский подпишет приказ «О заложниках»; 5 сентября 1918 г. будет принят декрет СНК РСФСР «О красном терроре» [22].

В соответствии с принятыми решениями к юрисдикции Воронежского губревтрибунала осенью 1918 г. стали относиться дела: 1) о подделке денежных знаков, подлоге в контрреволюционных целях документов; 2) разбое и вооруженном грабеже; 3) взломе советских и общественных складов и магазинов с целью незаконного хищения; 4) незаконной торговле кокаином; 5) поступки, указанные в статье № 7 декрета о суде № 4, опубликованного в Сборнике Указаний № 85 от 6 декабря 1918 г., то есть посягательства на человеческую жизнь, причинение тяжелых ран или увечий, изнасилование, разбой, взяточничество [23].

Если проанализировать в целом деятельность Воронежского губревтрибунала за 1918 г., то можно констатировать, что из общего количества возбужденных дел было прекращено следствием — 19 %, передано в другие суды — 25 %, окончено производством в трибунале — 31 %, осталось в производстве — 25 %. Из общего числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности, были осуждены 73 %, оправданы 27 %. Осужденные трибуналом были приговорены к следующим мерам наказания: высшей мере наказания (расстрелу) — 0,3 %; к тюремному заключению и принудительным работам — 37 %; к конфискации имущества — 3,4 %; к штрафу — 33 %; к другим наказаниям — 25 % [24]. При этом нельзя забывать, что трибунал в данный период рассматривал многие дела, подсудные народным судам.

Следует также отметить, что в Воронежской губернии еще не была создана система исполнения вынесенных наказаний. Места заключения не были еще специально оборудованы и носили временный характер. В каждой камере, рассчитанной на 25 человек, находились, как правило, не менее 60 человек. Помещения плохо вентилировались, поэтому воздух был тяжелым, а пол сильно загрязнен. В камерах здоровые заключенные часто помещались вместе с больными. Причем болели преимущественно сыпным и брюшным тифом, дизентерией и туберкулезом. Из-за переполненности камер многим заключенным приходилось спать на полу. В некоторых камерах женщины помещались вместе с мужчинами. Несмотря на то что часть заключенных находилась под следствием, а часть уже

отбывала наказание, они размещались в одних и тех же ужасных условиях [25].

В обстановке Гражданской войны и иностранной военной интервенции кроме общей системы ревтрибуналов в Красной армии и на транспорте были созданы специальные трибуналы. Первоначально они составляли самостоятельные структуры и не были связаны с НКЮ. В армии создавались военные революционные трибуналы. Их формирование происходило в соответствии с декретом о суде, но ни по составу, ни по характеру деятельности, ни по исполняемым функциям они не соответствовали военным судам обычного типа. Военные трибуналы стали создаваться по инициативе местных военных властей летом 1918 г. и были представлены фронтовыми, армейскими, дивизионными и окружными трибуналами. В первое время они нередко носили самые различные наименования: военно-революционный полевой суд, революционный военный трибунал, военно-полевой трибунал. По приказу РВСР от 14 октября 1918 г. для руководства военными трибуналами был создан Революционный военный трибунал республики (РВТР) [26].

Принятие всех этих решений совпало с обострением военной обстановки на юге страны, где войска Красной армии терпели поражение, отступали и несли значительные потери. Одной из причин поражения являлась низкая воинская дисциплина и недостаточная стойкость красноармейцев. Для стабилизации военной ситуации еще 11 сентября 1918 г. для борьбы с контрреволюцией был создан Южный фронт. А с целью изменения морально-психологической обстановки ЦК РКП(б) принял постановление об усилении красного террора на Южном фронте, в зону которого входил г. Воронеж. По постановлению Воронежского губернского ревкома был создан революционный военно-полевой трибунал, действовавший на всей территории Южного фронта [27]. Использование террора привело к тому, что по приказу военного ревтрибунала расстреливались не только пленные, заложники и дезертиры, но и совершенно мирные люди. Такие действия являлись не столько ответом на зверства и грабежи белогвардейцев, сколько попыткой привлечь на сторону советской власти тех, кто еще сомневался в выборе «желательной для населения» власти. Уже 5 ноября 1918 г. на заседании военно-полевого трибунала были подведены предварительные итоги его деятельности и принят приказ, суть которого сводилась к следующему: «Правосудие вершится справедливо, пос-

ле тщательного следствия и дознания. Для трибунала не имеет значение чин, должность, положение, партийность, а лишь совершенное преступление. Приговоры отмене и обжалованию, ни в апелляционном, ни в кассационном порядке не подлежат. В революционных условиях необходима строгость и непримиримость» [28]. В приказе также содержалось обращение к гражданам с просьбой оказания помощи в изобличении преступников. Данный документ был подписан председателем революционного военно-полевого трибунала, членом ВЦИК РСФСР Чикколини и секретарем Бережных [29].

Сторонником использования жестких мер как против войск противника, так и против обывателя, являлся также и сам председатель Реввоенсовета республики Л. Д. Троцкий, который, в частности, писал: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массу людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армию и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади» [30]. Эта установка отразилась и на ходе событий в Воронежской губернии в начальный период Гражданской войны. Чрезвычайная мобилизация рабочих и крестьян в Красную армию летом—осенью 1918 г. позволил сформировать на территории Воронежской губернии 15-ю стрелковую дивизию, которой с 21 октября по 31 декабря 1918 г. командовал Ю. С. Гузарский. Накануне 1919 г. он тяжело заболел и был освобожден от занимаемой должности. Но уже 14 января 1919 г. Ю. С. Гузарский был осужден революционным военным трибуналом за невыполнение приказов командования, за своевременную неявку в штаб, дискредитацию политработников и расстрелян [31].

16 декабря 1918 г. указанным трибуналом были также приговорены к расстрелу за дезертирство шестеро солдат. В целях усиления публичности наказания данный приказ был оглашен по всему военному гарнизону. 22 декабря 1918 г. по приговору революционного военно-полевого трибунала в г. Воронеже были расстреляны 14 красноармейцев за различные виды преступлений: дезертирство, разбой, грабеж, покушение на убийство. Два красноармейца, обвинявшихся в дезертирстве, оправдали ввиду их молодости. Кроме этого, для наказания красноармейцев за незначительные виды преступлений был создан штрафной батальон [32].

Основными видами преступлений, которые рассматривались на заседаниях революционного военно-полевого трибунала Южного фронта в конце 1918 г. — начале 1919 г., были: пьянство, мародерство, неисполнение обязанностей командира, бегство с поля боя. Осужденные за данные преступления наказывались расстрелом. За другие мелкие преступления применялся арест на три месяца. Применялось также и такое наказание, как ношение на рукаве позорящей черной повязки до тех пор, пока виновный не искупит свою вину «честной службой». Различные наказания применялись дифференцированно. Так, например, за кражу обычно применялся арест. Тем не менее, был и такой случай, когда за кражу овцы были расстреляны четыре человека. В обосновании такой суровой меры трибунал указал, что данное преступление «имеет большое развращающее влияние на солдат» и, более того, «для многочисленной семьи крестьянина эта овца имела огромное значение, поскольку являлась чуть ли не единственным источником существования, и ее кража ставила под угрозу выживание всей семьи» [33].

В конце 1918 г. обстановка в стране еще более обострилась. Поэтому декретом СНК РСФСР от 28 ноября 1918 г. вводилось военное положение на всей сети железных дорог. После принятия данного решения в состав соответствующего фронтового революционного военного трибунала стали включаться и представители от железной дороги. А так как на территории Воронежской губернии находились крупные железнодорожные узловые станции, то в 1919 г. был создан Воронежский железнодорожный трибунал при Юго-Восточной железной дороге [34]. С помощью данного учреждения решался вопрос о пресечении преступлений на железной дороге.

В 1919 г. компетенция всех ревтрибуналов была значительно расширена в связи с передачей им целого ряда дел, решения по которым ранее принимались непосредственно органами ВЧК. Постановление ВЦИК РСФСР «О правах ВЧК и ревтрибуналов» от 17 февраля 1919 г. и «Положение о революционных трибуналах», принятое СНК РСФСР 12 апреля 1919 г. подтвердили ничем не ограниченные права ревтрибуналов. Трибуналы были практически наделены правом самостоятельного определения меры наказания [35]. После этого и появились приговоры трибуналов с такими мерами наказания, как «условный расстрел», «лишение свободы до окончания гражданской войны», «лишение свободы до победы мировой револю-

ции». Такие «вольности» в определении меры наказания приобрели массовый характер и зачастую не имели под собой никакой законодательной основы. Поэтому 25 июня 1919 г. было опубликовано постановление ВЦИК РСФСР, в соответствии с которым ревтрибуналы были обязаны в выносимых приговорах всесторонне обосновывать причины признания виновности подсудимых и определяемую ими меру наказания. Иначе вынесенный приговор считался недействительным и подлежал отмене в кассационном порядке [36].

О характере деятельности Воронежского губревтрибунала в данный период можно судить на основе анализа материалов его выездной сессии, проходившей с 1 по 15 марта 1919 г. в Павловском уезде. Главной целью этой сессии являлась «разгрузка» Павловской тюрьмы. Местный народный суд не справлялся с большим количеством дел, и заключенные вынуждены были месяцами ожидать судебного заседания и приговора. В состав выездной сессии вошли: председатель М. П. Тихонов, член следственной комиссии Губревтрибунала А. И. Остриков, следователь Павловской уездной ЧК И. Ф. Гречанников. Эта комиссия рассмотрела большое количество дел, основную часть которых составили дела о контрреволюционных действиях, антисоветской агитации и о самогоноварении. Для того чтобы освободить Павловскую тюрьму от многочисленных заключенных, на заседаниях сессии указывалось, что задержание многих не являлось необходимостью, и поэтому выносились преимущественно мягкие приговоры — условное осуждение и штрафы [37].

Значительную роль в превращении Воронежского губревтрибунала в авторитетное судебное учреждение сыграла следственная комиссия. Сохранились анкеты многих членов следственной комиссии трибунала, составленные 20 мая 1919 г. В частности, это были анкеты Л. П. Богуславского, А. П. Бортова, А. М. Еремина, Е. И. Тарновского, Я. Я. Михельсона, А. Я. Морозова, М. А. Мясоедова. Информация, содержащаяся в этих анкетах, свидетельствует о том, что 60 % служащих следственной комиссии имели среднее образование, 20 % — высшее и 20 % — начальное образование. Некоторые из них являлись членами РКП(б), но большинство были беспартийными [38].

Достаточно сложно складывались взаимоотношения между Воронежским губревтрибуналом и местными органами исполнительной власти. На заседании Воронежского губкома РКП(б) 23 августа 1919 г. была подвергнута острой критике де-

тельность ревтрибунала за то, что он часто выступал против деятельности органов государственной власти. Так, в январе 1919 г. трибунал приговорил к штрафу некоторых сотрудников губернского военкомата за разгон крестьянского схода. По постановлению Губревтрибунала привлекались к уголовной ответственности и даже отдельные члены губкомпарта (Кардашов, Литвинов, Смирнов, Олекевич) и горисполкома (Новоскольцев, Федосеев, Дмитриев, Валиков, Мацков) за создание «боевой дружины», дискредитировавшей советскую власть. Деятельность Воронежского ревтрибунала была приостановлена «в связи с необходимостью замены некоторых кадров суда более политически грамотными». В знак протеста заведующий юридическим отделом Э. Г. Эглит заявил о своей отставке. В результате следственные дела членов горисполкома и губисполкома были изъяты из Губревтрибунала и переданы на рассмотрение совместной комиссии губкомпарта и горкомпарта [39].

В сложной обстановке осуществлялась деятельность Воронежского губревтрибунала летом—осенью 1919 г. Близость театра военных действий заставляла на заседаниях трибунала принимать все более жесткие меры наказания. Для воздействия на политическую ситуацию в отдельных уездах Воронежской губернии революционный трибунал активно использовал выездные сессии. Так, на основании данных отчетной статистической ведомости по выездной сессии Воронежского губревтрибунала в Бобровском уезде в июне 1919 г. следует, что основное количество дел было о контрреволюции — 89; службе у белогвардейцев — 57; выдаче коммунистов белогвардейцам — 40; бегстве с белыми — 5; агитации против советской власти — 4; укрывательстве врагов советской власти — 3; расстреле коммунистов — 6; дезертирстве — 20; бандитизме — 30; выдаче красноармейцев — 2; шпионаже — 2; самогоноварении — 5 [40].

В начале декабря 1919 г. в Воронежскую губернию поступили принятые Президиумом ВЦИК РСФСР 30 ноября 1919 г. «Основные положения о революционных трибуналах». В данном документе указывалось, что в ведение революционных трибуналов передаются дела: «...а) о контрреволюционных деяниях; б) дела о крупной спекуляции товарами и предметами, взятыми на учет; в) дела по крупным должностным преступлениям лиц, обвиняемых в хищении, подлогах, в неправильной выдаче нарядов и участии в спекуляции в той или иной форме; г) дела о дискредитации власти советскими работниками; д) дела о дезертирстве, об

укрывателях дезертиров, дела о пособниках и подстрекателях к дезертирству; е) дела по другим преступлениям, если они являются опасными для РСФСР». В соответствии с «Основными положениями» ревтрибуналы создавались во всех губернских городах по одному на губернию. Трибуналы могли также создаваться и в уездных городах, насчитывавших свыше 200 тыс. жителей [41]. Содержалось также и указание на то, что в период проведения следственных действий недопустимыми являются пытки и другие чрезвычайные действия. В то же время о фактах применения таких незаконных действий по отношению к подследственным можно судить по материалам об аресте военным комиссаром Бобровского уезда в декабре 1919 г. М. С. Махимова за якобы фальшивую справку о его освобождении от службы в Красной армии по состоянию здоровья. Чтобы добиться признания, один из сотрудников военкомата применил к арестованному недозволенные методы ведения следствия. В связи с этим потерпевший написал заявление в Губревтрибунал, в котором сообщил: «Несколько раз меня ударили по голове, затем схватили за волосы, повалили на пол, стали бить каблуками и 50 раз плетью по спине». Чтобы прекратить истязание, М. С. Махимов признался в совершении преступления. Его дело было повторно рассмотрено на заседании Губревтрибунала, где подсудимый был оправдан [42].

Необходимо также отметить и тот факт, что в декабре 1919 г. Воронежским губернским ВРК было подготовлено «Постановление об учреждении Воронежского Губернского Революционного трибунала», в котором указывалось: «Объявить во всеобщее сведение, что с ноября 1919 г. в городе Воронеже и Воронежской губернии вместо организованного на основании постановления Губревкома от 27 ноября 1919 г., Революционного Военно-Полевого Трибунала учреждается Воронежский Губернский Революционный Трибунал, в составе: председателя Минакова и членов Аладына и Артемьева, причем подсудность преступлений распределяется между Губернской Чрезвычайной Комиссией и Губернским Революционным Трибуналом» [43].

Итоги деятельности Воронежского ревтрибунала в 1919 г. позволяют констатировать, что к высшей мере наказания были приговорены 10 % всех осужденных; к лишению свободы — 60 %, в том числе условно — 20 %; к принудительным работам — 7 %; к имущественным взысканиям — 8 %; к другим наказаниям — 12 % [44].

В результате успехов в борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией и снижением военной опасности 17 января 1920 г. по инициативе Ф. Э. Дзержинского ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «Об отмене смертной казни». Запрещалось ее применение органами ВЧК и революционными трибуналами, за исключением военных трибуналов. Но вскоре, в мае 1920 г., в связи с наступлением польских войск, смертная казнь была восстановлена в 23 губерниях, объявленных на военном положении. 18 марта 1920 г. СНК РСФСР принял «Положение о революционных трибуналах», которое подтвердило наличие в полномочиях революционных трибуналов ничем не ограниченного права в определении мер наказания, однако в пределах действующих декретов. В целях ускорения вынесения приговоров и тем самым решительного пресечения возникающих преступлений трибуналы подлежали реорганизации. Ликвидировался институт народных заседателей в ревтрибуналах. Трибуналы теперь состояли только лишь из судей. С семи до трех человек сокращался состав трибуналов. Трибуналы действовали теперь в количестве председателя и двух членов, один из которых представлял местные органы ЧК. Процессуальный порядок деятельности трибуналов приспособивался к чрезвычайным условиям жизни страны. От трибунала зависело теперь допущение к участию в деле обвинения и защиты. Трибунал был вправе прекратить допрос свидетелей, если признавал «суть дела достаточно выясненной». От мнения трибунала зависело и приобщение к делу новых документов. В то же время определялось главное условие организации заседания трибунала, которое должно было проходить публично и в присутствии обвиняемого. Приговор объединенного местного ревтрибунала мог быть обжалован в Кассационном трибунале при ВЦИК РСФСР [45].

В 1920 г. деятельность Воронежского губревтрибунала значительно активизировалась, о чем свидетельствует доклад председателя трибунала Дорофеева от 29 января 1920 г. В нем говорилось, что: «Губревтрибунал делает все возможное для усиления борьбы с преступлениями. В практику вошли выездные сессии в уезды, где эта работа является необходимой. Назначаются следственные комиссии в количестве четырех человек для проверки следственных мероприятий в отношении беляков и рабочих. Кроме этого, Губревтрибунал взаимодействует с ГубЧК, так как из нее в трибунал поступают дела после предварительного следствия с вещественными доказательствами» [46].

Обострение обстановки на фронтах Гражданской войны в мае 1920 г. вызвало рост числа наиболее опасных преступлений в тылу. Для усиления борьбы с такого рода преступлениями и для недопущения осложнения политической обстановки Воронеж был объявлен на военном положении, и Губревтрибуналу было предоставлено право применять высшую меру «революционной защиты — расстрел» по своему усмотрению. Кроме этого, декрет ВЦИК РСФСР от 19 мая 1920 г. предоставил ревтрибуналу право ходатайствовать перед губисполкомом о не пропуске кассационных жалоб или ходатайств о помиловании по приговорам к расстрелу «в силу безусловной ясности дела, тяжести совершенного деяния и политической обстановки в Воронежской губернии». А в случае единогласного утверждения ходатайства трибунала Президиумом губисполкома приговор приводился в исполнение немедленно [47]. Данное решение привело к определенным «перекосам» и даже предвзятости в деятельности Воронежского губревтрибунала. Так, в ответ на убийство волостного комиссара Богучарского уезда, который был схвачен по дороге в уезд и зверски замучен, ему были отрезаны уши, нос, пальцы, затем его бросили в воду по приговору Губревтрибунала 6 августа 1920 г., были расстреляны 15 дезертиров [48].

Одной из важных задач, стоявших перед Воронежским губревтрибуналом, являлась именно борьба с таким явлением, как дезертирство. Выездные сессии Губревтрибунала делали основной упор на разъяснении населению вреда дезертирства и его отрицательных последствий как для губернии, так и для семьи и для самого красноармейца. С этой целью издавались многочисленные брошюры и листовки, проводились митинги и собрания, организовывались показательные выездные судебные процессы с участием обвинителей и защитников. Однако напряженность в обществе не снижалась. Недовольство народа хозяйственной политикой партии большевиков и Советского государства приводило к массовым крестьянским выступлениям. Во многих уездах Воронежской губернии совершали преступления бандитские отряды под предводительством А. С. Антонова и И. Колесникова. К ним примыкали недовольные крестьяне и бежавшие из Красной армии дезертиры. Всю сложность возникшей в Воронежской губернии ситуации можно наглядно проследить на основании информации о событиях, происходивших в Новохоперском уезде. Член уездной организации РКП(б) А. Ибрагимов в июне 1920 г. докладывал в Губрев-

трибунал о состоянии дел в уезде следующее: «Все население Новохоперского уезда ожидает ежеминутного нападения бандитов, которые грабят, убивают безнаказанно и без разбору безвинных людей. Эти бандитские шайки создаются в основном их дезертиров и анархистов. В уезде усиливается бандитизм. Широко распространилось дезертирство. В каждом доме укрывают бежавших из армии солдат. Нужно сказать, что местная власть не в состоянии бороться ни с дезертирством, ни с бандитизмом, так как в ее распоряжении нет вооруженных сил» [49]. Важно отметить, что контрреволюционно настроенная часть крестьянства постоянно будоражила остальных крестьян слухами о готовящемся восстании с целью свержения советской власти, а также о том, что вожди революции Ленин и Троцкий уже смещены со своих постов. Чтобы успокоить крестьян и стабилизировать политическую обстановку, в 1920 г. участилось проведение в уездах Воронежской губернии выездных сессий Губревтрибунала. Так, в октябре 1920 г. на заседании Президиума губисполкома VIII созыва Губревтрибуналу было предложено в срочном порядке выслать в район Новохоперского и Борисоглебского уездов выездную сессию в связи с продвижением в этот район банд Антонова. 8 октября 1920 г. сессия Третьего района под председательством Черенкова прибыла в г. Бобров, но лишь с 15 октября смогла приступить к деятельности в связи с тем, что «работа тормозилась паникой местного населения из-за банд Антонова и событиями в с. Новая Чигла на почве недовольства населения продовольственной политикой». 18 октября 1920 г. группа Черенкова выехала в с. Новая Чигла, где в течение пяти дней проводила следственные действия и судебные заседания. Сохранился доклад Черенкова о проделанной работе, направленный в Губревтрибунал, в котором сообщалось: «Было арестовано 70 человек, из которых семеро приговорены к расстрелу, а остальные — к различным срокам заключения в концентрационных лагерях с принудительными работниками. Расстрел производился на месте в присутствии местных жителей. Основные дела, которые рассматривала сессия, были делами о дезертирстве. Дела по продовольственной политике разрешались в основном в административном порядке уездным исполнительным комитетом и уполномоченным по продовольственной политике на местах. На нарушителей налагали арест или конфискацию» [50].

Всего за период работы выездной сессии, с 15 по 31 октября 1920 г., были рассмотрены дела в

отношении 705 человек. По результатам судебных заседаний 218 человек были приговорены к лишению свободы в концентрационных лагерях, 389 — к отправке на фронт, 69 — к отправке в штрафную роту, к расстрелу — 18 человек, оправданы — 5 человек. Было конфисковано шесть лошадей, семь коров и восемь овец. Более того, была применена «интенсивная коллективная санкция» по отношению ко всему населению Новочигольской волости — наложен штраф в размере 5 млн р. [51].

С 12 октября по 1 ноября 1920 г. в г. Валуйки работала выездная сессия Второго района, в процессе деятельности которой были рассмотрены дела в отношении 42 человек. Из них 17 человек были арестованы за невыполнение продразверстки, а 25 — за дезертирство. Незлостные преступники были приговорены к отправке в штрафную роту, а злостные — к заключению в концентрационные лагеря с конфискацией имущества. Что же касается арестованных за неисполнение продразверстки, то всех их освободили, так как выяснилось, что они не доплатили в среднем всего лишь по 2—3 пуда зерна и им было предложено в двухдневный срок ликвидировать недосдачу. Всего в Воронежской губернии в рассматриваемый период действовали четыре выездные сессии Губревтрибунала. Помимо двух перечисленных, деятельность осуществляли еще выездная сессия Первого района, работавшая на территории Воронежского уезда, и выездная сессия Четвертого района, работавшая на территории Калачеевского, Павловского, Богучарского и других южных уездов. Проходили выездные сессии под непосредственным руководством председателя и членов Губревтрибунала, которыми в это время были И. В. Бузов, Н. С. Сальков, Д. Л. Бутин, И. Н. Проскураков, В. И. Леонов, Н. П. Букреев, И. Ф. Черенков, В. А. Кон и другие [52].

Из протоколов распорядительных заседаний Воронежского губревтрибунала в 1920 г. можно сделать вывод о том, что основную массу дел составляли дела о контрреволюционных преступлениях, бандитизме, шпионаже, дезертирстве, невыполнении продразверстки, должностные преступления, растрата, взяточничество, самогонование, саботаж, хищения народного имущества, спекуляция и многие другие.

Если же проанализировать общее количество дел, рассмотренных на судебных заседаниях Воронежского губревтрибунала за 1920 г., то можно проследить следующую динамику. Были привлечены к уголовной ответственности с обвинениями в контрреволюционной деятельности участники,

проходившие по 101 делу; за службу у белогвардейцев — по 41 делу; за сдачу коммунистов — участники 40 дел; за агитацию против советской власти — 14 дел; за расстрел коммунистов — 6 дел; с обвинениями в шпионаже — участники 2 дел; в дискредитации советской власти — 30 дел; дезертирстве — 115 дел; бандитизме — 203 дел; продаже, приобретении и подделке документов — 41 дела; должностных преступлениях и присвоении вещей — 132 дел; взяточничестве — 61 дела; пьянстве и самогоноварении — 80 дел; саботаже — 8 дел; хищении народного имущества — 29 дел; спекуляции — 24 дел; невыполнении государственной разверстки — 212 дел; по другим преступлениям — 40 дел [53].

По рассмотренным делам в ревтрибунале были вынесены следующие наказания: к расстрелу приговорены 13 человек; направлены в концентрационные лагеря — 194 человека; уголовно осуждены — 323 человека; лишены гражданских и избирательных прав — 88 человек; направлены в штрафные батальоны — 15 человек; оштрафованы — 5 человек; к принудительным работам без заключения — 52 человека; к принудительным работам условно — 43 человека; к публичному выговору и порицанию — 33 человека; к конфискации имущества — 62 человека. Всего же было осуждено более 800 человек. Если анализировать социальное положение осужденных, то это были: рабочие и ремесленники, земледельцы, интеллигенция и другие группы. По роду занятий: комсостав и красногвардейцы, военные моряки и ответственные работники, рядовые военнослужащие [54].

Следует отметить и такую особенность, проявившуюся в 1920 г., как более тщательное распределение судебных дел между народными судами и трибуналом. Если в течение первого года существования советской власти Губревтрибунал нередко рассматривал дела, отнесенные к подсудности народных судов, то в 1920 г. он уже занимался только делами о наиболее опасных преступлениях. Так, в 1920 г. количество дел, заслушанных в народных судах, составило 84 %, в революционных трибуналах — 2 %, а в революционных военных трибуналах — 14 % [55]. Таким образом, ревтрибуналы рассматривали лишь дела, отнесенные законодательством к их подсудности, и все более превращались в чрезвычайные судебные органы.

Характеризуя деятельность Воронежского губревтрибунала, необходимо также сказать и о таком важном направлении их работы, как амнистии, проводившиеся правительством даже в условиях

Гражданской войны. Обычно амнистии объявлялись в дни пролетарских праздников: в годовщину Октябрьской революции и к 1 Мая. В Государственном архиве Воронежской области сохранилась выписка из газеты «Воронежская коммуна» № 97 от 5 мая 1920 г., в которой содержится постановление ВЦИК РСФСР о майской амнистии. Текст постановления содержит следующие указания: «1) Революционным трибуналам в двухнедельный срок пересмотреть все дела, содержащихся под стражей по их приговорам и постановлениям, а также числящихся за ними подследственных, за исключением указанных ниже категорий, и применить к ним амнистию; 2) Амнистия не распространяется на активных контрреволюционеров, бандитов, дезертиров, профессиональных воров, особо вредных спекулянтов, лиц, совершивших должностные преступления, явно дискредитирующих Советскую власть и на поляков как подданных государства, поднявшего вооруженную борьбу против Советской России» [56]. Амнистия состояла или в полном освобождении заключенного, или в замене лишения свободы принудительными работами. В докладе председателя Воронежского губревтрибунала от 22 ноября 1920 г. содержались сведения о проведении ноябрьской амнистии. В течение трех дней трибунал вынес приговор с применением амнистии в отношении 319 человек, из которых: 289 человек были направлены на фронт, а 28 человек — в распоряжение губвоенкомата; 1 человек — в распоряжение начальника электропункта г. Воронежа, 1 человек не подлежал мобилизации как укрыватель, поэтому был направлен сроком на три месяца в концентрационный лагерь. С применением амнистии осужденным выносился также публичный выговор [57].

Несмотря на то что к осени 1920 г. основные военные действия на фронтах Гражданской войны были закончены, Воронежская губерния все еще продолжала оставаться территорией с крайне неустойчивой политической обстановкой. На юге и востоке губернии постоянно заявляли о себе многочисленные бандитские группировки. 17 января 1921 г. в Воронежский губком поступил доклад заместителя председателя выездной сессии Губревтрибунала Третьего района, проводившего работу в декабре 1920 г. в восточных уездах губернии. Из доклада следует, что значительное количество дел было связано с решением вопроса о выполнении населением продразверстки. Кроме этого, уделялось также внимание и расследованию фактов дезертирства среди населения. Доклад содержал

следующие выводы на этот счет: «Дезертирство большинство из молодых и средних лет, старых годов незначительно. Такая же пропорциональность и в социальном отношении, бедняков и середняков большинство и самая незначительная часть из зажиточных и кулачества. Из дезертирских дел много встречается с поддельными документами, почти все поступающие из местного политбюро, из коих часть выданных за подписями и печатями разных частей, а небольшая часть из местного Увоенкомата. Из чего видно, что в местном Увоенкомате, Моботделе были случаи злоупотребления сотрудниками, каковых в данное время привлечь к ответственности не представляется возможным, ввиду выезда последних в действующие части и розыск их безрезультатен» [58]. Значительная часть работы данной выездной сессии Губревтрибунала была также посвящена разбирательствам по делам о деятельности различных бандитских формирований. Заключительная часть доклада обстоятельно анализирует состояние этого вопроса: «Бандитские дела поступают и большими партиями, и по несколько человек, и одиночно. Из поступающих бандитов большинство бывает злостных дезертиров, а остальная часть не военнообязанных, большинство которых участвовало в бандах по своему не осознанию и темноте введших их в заблуждение подстрекателей. Многие участники восставших банд — просто дезертиры, и некоторые — злостные дезертиры и организаторы восстаний. Все эти бандиты являются из разных волостей Борисоглебского уезда, в Новохоперском уезде массового бандитизма не замечается, если и попадают на территории Новохоперского уезда, то таковые являются наплывом из соседнего уезда Борисоглебского. Из присылаемых местным политбюро Новохоперского уезда бандитских дел средним процентом являются привлекаемые к ответственности за участие в деятельности «зеленых» в 1918—1919 гг.» [59].

Для быстрого и жесткого реагирования на выступления бандитов, а также для восстановления органов управления на местах 1 апреля 1921 г. Президиумы губкома и губисполкома Воронежской губернии приняли специальное постановление «О чрезвычайных тройках по восстановлению политического положения в местах где по причине бандитских налетов деморализована местная власть» [60]. Во вводной части этого документа говорилось следующее: «Для восстановления политического положения и укрепления местной власти в местностях, подвергшихся деморализации

вследствие прохода и оперирования бандитских групп, создаются губернские тройки в составе трех представителей: одного от Губисполкома и Губкома; одного — от Губчека и одного — от Политчасти местного командования по утверждению Губернского командования. Председателями троек являются представители от Губисполкома» [61]. «Губернские тройки» должны были проводить, прежде всего, политическую работу среди населения: обследовать деятельность местных Советов, выяснять причины недовольства народа, устанавливать «конкретных антисоветских элементов, проводящих подрывную работу». Однако в «Примечании» к данному документу содержалась и такая информация: «Если в том или другом уезде накопится много материала и Тройки усмотрят желательность проведения примерных судов с политическим актом на месте, они должны об этом немедленно сделать по телеграфу, запиской по прямому проводу, представление в Президиум Губисполкома, которым будут выделяться выездные сессии Ревтрибуналов. Выездные сессии Ревтрибуналов, состоя на работе как подсобный орган троек, всю свою работу проводят по указанию последних» [62].

К середине 1921 г. напряжение на юге и юго-востоке Воронежской губернии стало постепенно спадать. Были разгромлены бандитские формирования Колесникова, в Павловском уезде ликвидирован отряд Васьки Карася, в Богучарском уезде — отряд Найкова. Оставшиеся еще немногочисленные бандитские группы уже не способны были повлиять в целом на стабильность политической обстановки в данном районе. Поэтому 1 июня 1921 г. из Москвы в Воронеж была доставлена телеграмма о необходимости скорейшей реорганизации ревтрибуналов. Ее цель заключалась в унификации судебной практики и в выработке единой карательной политики. Развитием и конкретизацией данной задачи явился декрет ВЦИК РСФСР от 23 июня 1921 г. «Об объединении всех революционных трибуналов республики». Обстоятельная «Инструкция по реорганизации Губернских Революционных Трибуналов» была получена из Москвы 28 июня 1921 г. В соответствии с рекомендациями все существовавшие в Воронежской губернии трибуналы должны были быть объединены в «Единый Губернский Трибунал» [63].

В связи с предстоящей реорганизацией, в соответствии с «Инструкцией комиссии по ревизиям трибуналов», принятой ВЦИК РСФСР 27 апреля 1920 г. [64], с 5 по 30 августа 1921 г. была прове-

дена ревизия Воронежского губревтрибунала. Комиссия губернского отдела юстиции по итогам ревизии пришла к следующим выводам: «Дело-производство находится в плачевном состоянии. Отсутствует специальное хранилище для конфискованных вещей и вещественных доказательств, да и сам учет их ведется нерегулярно. Работники трибунала используют вещественные доказательства в личных целях. Недостаточное количество технических работников» [65]. Результаты ревизии также подвели к выводу о необходимости кардинальной реорганизации данной чрезвычайной структуры. В то же время последующий ход событий заставляет задуматься о беспристрастности выводов комиссии. Так как уже 26 августа 1921 г. бывший председатель Воронежского губревтрибунала И. В. Бузов направил в губком заявление следующего содержания: «Всегда наблюдалось противоречие между работниками Ревтрибунала и Губюста по очень многим вопросам, имеющим в политическом отношении очень важное значение. Происходило это по следующим причинам. Классовый состав Ревтриба, Коллегия, следователи и сотрудники происходят из рабочих и крестьян — «юристы от станка и сохи», большинство коммунистов, имеющих стаж и испытания, — стойкие революционеры. Состав Губюста происходит из бывших буржуазных адвокатов, профессионалов-юристов, присяжных и не присяжных поверенных, их помощников и прочей старой братии. Вся эта публика унаследовала «прелесть» царской и буржуазной юстиции и до сих пор носит с этим багажом негодного хлама и очень ревностно проявляет тенденцию влиять на трибунал, выставляя и ведя тонкую политику в смысле проведения основ буржуазной идеологии в юриспруденции... Что же касается ревизии, то считаю долгом заявить, что она проходила с нарушением существующих на этот счет указаний и положений. Фактически происходила не ревизия, а придирка спецов к мелочам...» [66].

О результатах проведенной реорганизации трибунала свидетельствует протокол распорядительного заседания Президиума Воронежского губревтрибунала, состоявшегося 6 сентября 1921 г. Было принято решение: «Считать слияние трибунала законченным и подтвердить создание коллегии трибунала» [67]. В состав коллегии Губревтрибунала вошли следующие сотрудники: председателем единого Воронежского губревтрибунала становился Ромашенко; заместителем председателя и председателем военного отдела — Сальков; председа-

телем основного отдела — Борисов; выездного отдела — Бардин; членами коллегии стали — Иванов и Прокопов; секретарем коллегии — Тихонов. В связи с отсутствием председателя Губревтрибунала Ромашенко, согласно постановлению губкома и губисполкома от 28 июля 1921 г. временным председателем Губревтрибунала был утвержден Сальков. Временно исполнять обязанности председателя военного отдела стал Прокопов [68].

В связи с завершением Гражданской войны и переходом к новой экономической политике, одной из важнейших задач, стоявших перед ревтрибуналами в конце 1921—1922 гг., стало совершенствование судебной деятельности. Поэтому, если ранее партийность и «готовность к революционному самопожертвованию» являлись основным критерием отбора сотрудников в ревтрибуналы, то главным требованием в кадровому потенциалу в условиях мирного времени стала их профессиональная подготовленность. Воронежский губком, проведя 15—17 февраля 1922 г. Пленум, посвященный повышению роли органов юстиции, принял специальное постановление о мобилизации всех коммунистов, имевших юридическое образование и опыт работы в судебных учреждениях и направлении их на работу в юридические учреждения. Эти специалисты, в первую очередь, должны были пополнить губернские органы юстиции. 9 мая 1922 г. было также принято постановление Президиума Воронежского губкома РКП(б) о замене работников следственного отдела Губревтрибунала «более юридически грамотными». Весной 1922 г. была также осуществлена повторная проверка состояния Воронежского губревтрибунала. В ходе которой выяснилось, что трибунал насчитывал в своем составе 45 человек и в его структуре работали три отдела: основная коллегия, налоговый отдел и выездной отдел. Проверка также указала на то, что у большинства работников трибунала низкая юридическая и политическая подготовленность, отделы трибунала работают на низком уровне, часто меняются председатели трибунала [69].

11 ноября 1922 г. ВЦИК РСФСР принял «Положение о судостроительстве РСФСР», вводившееся в действие на всей территории республики с 1 января 1923 г. Согласно этому документу упразднялись общие ревтрибуналы, сокращалось количество военно-транспортных трибуналов и временно сохранялись военные трибуналы. Создавалась единая судебная система, состоявшая из народных судов, губернских судов и Верховного суда республики [70].

В Воронежской губернии уже с ноября 1922 г. стала создаваться единая двухуровневая судебная система: народный суд в составе народного судьи и двух народных заседателей и губернский суд, при котором учреждалась коллегия защитников. Воронежский губернский революционный трибунал в начале 1923 г. прекратил свою деятельность. Последним председателем Воронежского губревтрибунала стал А. К. Масютин. Он проработал на этой должности с 20 сентября 1922 г. по март 1923 г. [71].

Таким образом, возникшие в период революционных потрясений трибуналы на всем протяжении своего существования являлись наряду с органами ВЧК чрезвычайными судебными структурами советской власти в центре и на местах. Ставя во главу угла своей деятельности не столько юридические, сколько политические факторы, ревтрибуналы, как в начальный период создания советского государственного аппарата, так и в годы Гражданской войны способствовали формированию у населения чувства неотвратимости наказания не только за уголовные, но и за политические преступления. В деятельности ревтрибуналов совмещались, казалось бы, несовместимые факторы: они имели в своем арсенале чрезвычайные права и полномочия, и в то же время у их сотрудников был крайне низкий уровень юридической грамотности и практически отсутствовал опыт работы в судопроизводстве. Поэтому вынесенные приговоры нередко вызывали у населения не столько чувство справедливого возмездия, сколько обиду и недовольство. Тем не менее, в сложный период слома старой системы судебных учреждений и поиска новой формы советского суда ревтрибуналы, несмотря на всю неоднозначность их функционирования, выполнили свою задачу и в последующем в начале 1920-х гг. влились в единую в судебную систему Советского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петухов Г. Е. Советский суд и становление революционной законности в государственном управлении / Г. Е. Петухов. Киев—Одесса, 1982; Портнов В. П. Правовые основы строительства Красной Армии: 1918—1920 гг. / В. П. Портнов, М. М. Славин. М., 1985; Кожевников М. В. История советского суда: 1917—1956 гг. / М. В. Кожевников. М., 1957; Смирнов Н. Г. Высшие суды революции: Центральный революционный трибунал 1918—1922 гг. / Н. Г. Смирнов. М., 1990.
2. Нелидов А. А. История государственных учреждений СССР 1917—1936 гг. / А. А. Нелидов. М., 1962;

Городецкий Е. Н. Создание Советского государства 1917—1918 гг. / Е. Н. Городецкий. М., 1987.

3. Смыкалин А. Судебная система России в начале XX века // Российская юстиция. 2001. № 12; Смыкалин А. Создание советской судебной системы // Российская юстиция. 2002. № 2; Смыкалин А. Судебная реформа 1922 года // Российская юстиция. 2002. № 4.

4. На страже Закона (280 лет Воронежской прокуратуре) / сост. Т. М. Вальяникова. Воронеж, 2005.

5. Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства / В. И. Старцев. Л., 1980. С. 243.

6. Смыкалин А. Судебная система России в начале XX века // Российская юстиция. 2001. № 12. С. 42.

7. Хрестоматия по истории СССР / под ред. Д. А. Чугаева; сост. Д. В. Ознобишев, Д. А. Коваленко. М., 1963. С. 154—156.

8. Там же. С. 154.

9. Там же. С. 155.

10. Там же. С. 156.

11. Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО). Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 47. ЛЛ. 1—5.

12. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее ГАОПИ ВО). Ф. 4794. Оп. 1. Д. 7. ЛЛ. 11—19.

13. ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 221. ЛЛ. 57, 114, 187.

14. ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 688. Л. 32.

15. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 452. Л. 69; Оп. 2. Д. 3335. Л. 34.

16. ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 14. ЛЛ. 31—33.

17. Там же. ЛЛ. 47—48.

18. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 126. ЛЛ. 16—17.

19. Мишунин П. Г. Очерки по истории Советского уголовного права. 1917—1918 гг. / П. Г. Мишунин. М., 1954. С. 190; Позднов М. С. Советское законодательство о смертной казни / М. С. Позднов. М., 2002. С. 7, 8.

20. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 63. ЛЛ. 16—17.

21. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. Л. 12.

22. Хрестоматия по истории России / сост. А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. М., 2004. С. 431; Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1957. С. 291—292.

23. ГАВО. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 17. Л. 51.

24. Там же. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 14. ЛЛ. 30—39; Комаров А. Революционное движение: Хроника 1918 г. / А. Комаров, П. Крошицкий. Воронеж, 1930. Т. 1. С. 88.

25. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 126. Л. 19.

26. Петухов Н. Становление военно-судебных органов в России / Н. Петухов, В. Пипко, А. Толкаченко // Российская юстиция. 2003. № 1. С. 14.

27. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 46. ЛЛ. 86—88.

28. Там же. Д. 91. Л. 3.

29. Там же. ЛЛ. 3, 5.

30. Лаппо Д. Д. В красно-белом отсвете трагедии / Д. Д. Лаппо. Воронеж, 1993. С. 118.

31. Там же. С. 119.

32. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 46. Л. 20; Д. 47. ЛЛ. 129, 146.

33. Там же. Д. 46. Л. 34.
34. ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 223. Л. 50.
35. Мишунин П. Г. Указ соч. С. 190.
36. ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 133. Л. 53.
37. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. ЛЛ. 1—4.
38. Там же. ЛЛ. 20—37.
39. Там же. Д. 67. ЛЛ. 67, 69, 73, 83.
40. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 97. Л. 16.
41. Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 9.
42. Лапто Д. Д. Указ. соч. С. 126.
43. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 102. Л. 4; Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 83. ЛЛ. 7—10.
44. Там же. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 97. ЛЛ. 16—20.
45. Позднов М. С. Советское законодательство о смертной казни / М. С. Позднов. М., 2002. С. 7—8.
46. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 124. Л. 135.
47. Портнов В. П., Славин М. М. Указ. соч. С. 84.
48. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 75.
49. Там же. ЛЛ. 24—25.
50. Там же. Л. 3.
51. Там же. Л. 45.
52. Там же. Д. 180. Л. 46; Д. 310. Л. 17.
53. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 326. Л. 10.
54. Там же. Л. 11.
55. Кожевников М. В. Указ. соч. С. 87.
56. ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 95. ЛЛ. 37, 40.
57. Там же. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 172. Л. 2.
58. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 310. Л. 5.
59. Там же. ЛЛ. 5—6.
60. Там же. Д. 309. Л. 34.
61. Там же. ЛЛ. 34—35.
62. Там же. ЛЛ. 35—36.
63. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 267. ЛЛ. 22—23.
64. Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 206. ЛЛ. 4—7.
65. ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 275. ЛЛ. 13—15; ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 313. ЛЛ. 42, 50.
66. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 313. ЛЛ. 47—48.
67. ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 267. ЛЛ. 16—17.
68. Там же. Л. 18.
69. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 451. ЛЛ. 67—68.
70. Социалистическая законность. 1967. № 9. С. 10; СУ РСФСР. 1922. № 69. С. 902.
71. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 452. ЛЛ. 68—70.

Воронежский государственный университет
В. А. Перцев, кандидат исторических наук,
доцент кафедры новейшей отечественной истории
и историографии Воронежского госуниверситета,
deanery@hist.vsu.ru
Тел.: 39-29-35

Voronezh State University
V. A. Pertsev, the candidate of historical science,
the docent of department of Modern History of Russia
and Historical Records of the Voronezh State University,
deanery@hist.vsu.ru
Tel.: 39-29-35